

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.122-133

СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Е.В. Медведев

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, 432007, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу вопроса о социальном назначении уголовного права как основы формирования его функционального потенциала. Проведено сравнение наиболее распространенных доктринальных взглядов на сущность уголовного права как социального регулятора. В качестве одного из факторов, затрудняющих решение поставленной задачи, отмечена терминологическая нестабильность понятия «преступление» в современном уголовном праве, в результате чего значимость уголовного права как особого социального регулятора существенно снижается. Сделан вывод о том, что приоритетной с позиции социального назначения уголовного права выступает охрана социальных ценностей, их носителей, а также сформированных на их основе общественных отношений, которые уголовный закон призван защищать от общественно опасных посягательств. Выделен, помимо традиционно признаваемых, аксиометрический (или «репутационный») ущерб, который наносится преступлением той или иной социальной ценности.

Ключевые слова: уголовное право, социальное назначение уголовного права, функциональный потенциал уголовного права, социальные ценности, основные направления уголовно-правового воздействия

Вопрос о социальном назначении уголовного права – один из ключевых в современной правовой доктрине, он не только связан с определением природы уголовного права, установлением ориентиров и направлений его развития и т. д., но так или иначе касается любого уголовно-правового феномена. Поэтому без обращения к нему, хотя бы косвенного, невозможно ни одно фундаментальное исследование.

В юридической литературе и сам этот вопрос, и ответ на него интерпретируются немного по-разному. Чаще всего ученые говорят либо о предназначении уголовного права, либо о его сущности как социального регулятора, либо о роли уголовного права в жизни общества и т. д., хотя, в сущности, речь здесь идет об одном и том же.

На наш взгляд, в приведенных аспектах толкования нет принципиальной разницы, поскольку во всех случаях в фокусе находится единый комплекс вопросов: то, для чего существует уголовное право, какую роль оно выполняет для общества, какую пользу для него несет и какое место этот социальный регулятор занимает не просто в системе права, а в структуре общественного и государственного устройства в целом.

Отвечая на поставленные вопросы, большинство теоретиков говорят об уголовном праве прежде всего как об инструменте борьбы с преступностью и в качестве его основного назначения называют, как правило: 1) охрану наиболее важных общественных отношений от преступных посягательств [1, с. 65] или 2) предупреждение преступлений [2, с. 19].

Подобное видение социальной сущности уголовного права кажется вполне закономерным и с юридической точки зрения оправданным и, на первый взгляд, не вызывает возражений, если бы не один момент – трансформирующийся взгляд законодателя на категорию «преступление», которое в современном уголовном праве приобретает все более нестабильные черты и пугающими темпами превращается из абсолютной величины в переменную.

Наиболее отчетливо обозначенный феномен стал проявляться в последние годы, ознаменовавшиеся чередой стремительных изменений, вносимых в нормы Особенной части Уголовного кодекса РФ (УК РФ) и свидетельствующих о том, как «легко» та или иная форма социального поведения может приобрести статус «преступления», перейти из одной категории преступления в другую или, наоборот, утратить статус криминального деяния [3, с. 126]. Нестабильность позиции законодателя в отношении криминализации и декриминализации деяний все больше ориентирует общество на восприятие преступления как деяния, которое просто запрещено уголовным законом под страхом наказания, и уводит от мысли о том, в связи с чем деяние приобрело статус преступления, от осмысления главного, так называемого материального признака преступления, характеризующего его основное природное, естественное свойство – общественную опасность.

Такое формалистское понимание сущности уголовного закона и отношение к уголовно-правовому регулированию в целом все чаще стимулируется самим законодателем, который, даже формулируя задачи уголовного закона, говорит о его направленности на охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации именно от **преступных посягательств** и на предупреждение **преступлений**, а не общественно опасных деяний или общественно опасных форм социального поведения.

В результате в глазах общества существенно искажается значимость и ценность уголовного права как особого социального регулятора, который исторически представлял собой своеобразный социальный щит от опасных посягательств на наиболее важные блага и ценности, воспринимался как инструмент (мера) обеспечения (защиты) высшей справедливости в обществе, как форма ответной (карательной) реакции на деяния лиц, посягнувших на интересы личности, общества, государства и причинивших вред другому лицу.

В данной связи более убедительным и логичным следует признать взгляд на уголовное право как на инструмент защиты наиболее важных общественных отношений, благ, наиболее значимых интересов личности, общества и государства и т. п. не от преступлений, а прежде всего от общественно опасных посягательств на них [4, с. 24].

Кстати, косвенное упоминание об этом есть и в самом уголовном законе, в частности в положениях о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), где законодатель фокусирует внимание именно на *общественной опасности*, а не *преступности*

посягательства [5, с. 121]. Но и с определением категории «общественно опасное посягательство», так же как и с феноменом «общественной опасности» в современной уголовно-правовой доктрине далеко не все однозначно.

С момента, когда уголовное право наряду с другими отраслями права, в частности административным правом, превратилось в средство организации общественной жизни, а криминализация деяний во многом стала определяться развитием тех или иных политических тенденций [6, с. 22], ряд преступлений, содержащихся в УК, неслучайно перестал отождествляться обществом или его частью с общественно опасными посягательствами. В особенности это касается преступлений, посягающих исключительно на публичные интересы, такие как, например, уклонение от уплаты налогов, хищение государственного имущества и т. д.

К подобным действиям члены социума относятся, как правило, со снисхождением, воспринимая их максимум как противоправные, незаконные поступки, но не как деяния, попирающие принципы человеческого общежития, и теоретически допуская возможность их совершения при стечении благоприятных условий, при которых нарушитель не будет «пойман» и привлечен к уголовной ответственности.

Почему так происходит? Думается, ответ на этот вопрос лежит в плоскости критериев оценки «общественной опасности», которые в юридической литературе чаще всего связывают со значимостью охраняемых уголовным законом общественных отношений, формой и степенью вины, а также существенностью причиненного вреда [1, с. 123; 7, с. 47]. На первый взгляд, данная устоявшаяся концепция не содержит какого-либо подвоха. Однако чистота восприятия категории «общественная опасность» в ней несколько нарушается ориентацией на охрану именно «**общественных отношений**», причем даже при условии, что речь идет о наиболее важных из них.

Более наглядное выражение это находит в переходные фазы жизни государства, в том числе и в настоящее время в нашей стране, – когда старая система общественного устройства полностью разрушена и стерта из общественного сознания, а новая пока еще не сформировалась. Отсутствие общественной идеологии и стабильной системы нравственных ориентиров ведет к хаотическому построению общественных отношений, в которых часто отсутствует некая ценностная сердцевина. Поэтому и выражение «охрана общественных отношений» может быть истолковано по-разному, неоднозначно и в целом выглядит слишком абстрактно.

Не отрицая общепринятой концепции социальной сущности уголовного права как инструмента охраны наиболее важных общественных отношений от общественно опасных посягательств, считаем, что она нуждается в некотором уточнении. Полагаем, что приведенная выше формула, характеризующая социальное назначение уголовного права, выиграла бы, если бы ее структурно-содержательная сторона дополнилась упоминанием о социальных ценностях, которые выступают ориентиром человеческого поведения и фундаментом построения общественных отношений. Кроме того, социальные ценности, думается, величина, понятная всем членам общества, любой категории, уровня развития, правосознания и класса.

Неслучайно именно на этом факте, только в несколько ином контексте, часто акцентировали внимание видные отечественные ученые еще на этапе становления современного уголовного права. Так, критикуя формальное отношение к праву вообще и к уголовному праву в частности, в рассуждениях о его сущности О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский говорили о недопустимости упрощенного его понимания по причине игнорирования социальной значимости права [8, с. 57–58]. Считая неполной интерпретацию права лишь как совокупности норм, регулирующих общественные отношения, авторы настаивали на понимании его как классового регулятора общественных отношений, выражающего волю господствующего класса, основанную на материальных и иных потребностях и интересах социума. В таком же ключе высказывались и другие отечественные и зарубежные теоретики, подчеркивая роль потребностей и интересов господствующего класса в формировании и самих общественных отношений, и регламентирующих их правовых норм [9, с. 50; 10, с. 18; 11, с. 49; 12, с. 152–153; 13, S. 90].

Поддерживая идею о том, что именно социально-экономический базис лежит в основе формирования права и регулирования правоотношений в целом, считаем необходимым немного дополнить и конкретизировать приведенную выше концепцию. В свое время в силу сложившейся политической конъюнктуры, определявшей направления развития науки (в том числе и философии и права), базирующейся на положениях теории марксизма-ленинизма, было принято говорить прежде всего об интересах и потребностях человека, общества и государства. При этом ученые, как правило, совершенно незаслуженно опускали упоминание еще об одном важнейшем элементе рассматриваемой философско-социальной конструкции – о ценностях, которые выступают неотъемлемым конститутивным звеном процесса формирования основанного на тех или иных потребностях интереса.

Конечно, можно спорить о том, что выступает в этой логической цепи причиной, а что следствием, что появляется вначале – потребности или ценности. Тем не менее нельзя не признать, что именно ценности являются фактором, определяющим выбор индивидом ориентиров и направлений его жизнедеятельности, формирующим векторы и особенности социального развития и поведения человека в обществе, а также построения самих общественных отношений [14, с. 27; 15, с. 37; 16, с. 53]. Именно они, будучи, «сердцевиной» интереса, выступают концентрированным выражением, квинтэссенцией идеальной модели процесса удовлетворения человеческих потребностей, имеющих для человека жизненно важное значение, – того, к чему следует стремиться и чего следует придерживаться в процессе реализации обусловленного той или иной потребностью интереса. Отсюда выражение «охрана социальных ценностей» в структуре определения сущности уголовного права выглядит более логичным, точным и понятным, а следовательно – и более убедительным, чем такие формулировки, как «охрана общественных отношений» или «охрана общественного интереса».

Если говорить об уголовном праве как о *защитнике* социальных ценностей, то понимание этого социального регулятора существенно упрощается и приобретает более конкретные черты (наполняется более конкретным смыслом). Опираясь на этот феномен, гораздо проще объяснить и то, как и почему уголовное право так существенно различается в разных странах, или то, как оно эволюционирует

в рамках одной и той же цивилизации, одного и того же государства. Ведь общественные отношения во всех странах классифицируются одинаково – на гражданские, семейные, трудовые и т. д., но строятся зачастую совершенно по-разному. Получается, по форме они схожи, а по содержанию отличаются, причем порой весьма кардинально. Причина этого в том, что основу развития и существования разных цивилизаций, наций, народов составляют разные системы социальных и культурных ценностей.

Так, например, супружеская неверность в некоторых странах до сих пор расценивается как преступление. Главным образом это касается мусульманских стран, таких как Саудовская Аравия, Бруней, Йемен, Афганистан, Пакистан, Судан, Нигерия, и др., чье жизнеустройство и законодательство основываются на нормах шариата, но причина не только в этом [17, с. 213; 18, с. 164]. На Филиппинах измена как половой акт с кем-то, кроме законного супруга, также влечет за собой уголовную ответственность и предполагает наказание в виде лишения свободы для женщин сроком до шести лет, а для мужчин – до четырех с половиной лет¹. Похожие нормы содержит и уголовное законодательство Тайваня. Однако не только мусульманские и азиатские страны расценивают супружескую измену как уголовно наказуемое деяние. Аналогичные положения до сих пор имеются и в отдельных демократических странах, в частности в некоторых штатах США – Иллинойсе и Оклахоме².

Если такого рода деяния рассматривать как преступления, возникает справедливый вопрос, в чем заключается их общественная опасность и на что они посягают? Если исходить из концепции общественных отношений, то напрашивается логичный ответ – на брачно-семейные отношения. Но такой ответ не раскрывает сущность деяния, поскольку подобные отношения, как и само явление адюльтера, существуют повсеместно, но мало где супружеская измена расценивается как преступление. Объяснить общественную опасность такого деяния можно только посягательством на семейные ценности, которые у разных народов часто существенно различаются.

Именно ценности определяют содержание существующего в том или ином обществе порядка поведения членов социума как в какой-то конкретной сфере общественных отношений, так и в целом. В качестве наиболее наглядного примера можно взять сферу предпринимательской деятельности. Вспомним, что в УК РСФСР существовал целый ряд хозяйственных преступлений, таких как спекуляция (ст. 154 УК РСФСР), нарушение государственной дисциплины цен (ст. 156.6 УК РСФСР), изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158 УК РСФСР) и т. д. Это были не просто уголовно наказуемые деяния. Многие из них относились к числу тяжких, а за совершение некоторых двое граждан СССР даже были приговорены к высшей мере наказания (дело Рокотова и Файбищенко) [19, с. 103].

¹ Кроме того, если мужчина изменяет своей жене, женщина, с которой он изменял, приговаривается к изгнанию на четыре года и один день. Если мужчина прелюбодействует с замужней женщиной, наказание для него составляет шесть лет тюремного заключения.

² Так, по законам штата Оклахома, любой, кто будет признан виновным в измене, может быть приговорен к наказанию – до 5 лет лишения свободы или штраф в 500 долл., или могут быть назначены оба наказания (см. [18, с. 321]).

После распада СССР социально-экономический уклад кардинально изменился, и сегодня в условиях построения нового общества и развития рыночной экономики такого рода отношения являются законными и относятся к совершенно нормальной сфере деятельности – предпринимательской. Более того, предпринимательские отношения составляют основу современного бизнеса и современной экономики в целом. Предпринимателей перестали называть спекулянтами и фарцовщиками, и с точки зрения государства они теперь, наоборот, представляют собой наиболее продуктивную и перспективную социальную группу, как способную и готовую экономически обеспечивать не только себя, но и других людей, а стало быть, и приносить пользу обществу.

В этой связи данная категория лиц пользуется различного рода преференциями и даже особой защитой (в 2012 г. в России появился институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей – назначаемый Президентом России государственный гражданский служащий, который отвечает за организацию работы по внесудебному восстановлению нарушенных государственными органами прав бизнесменов, урегулированию возникающих споров между бизнесом и органами власти).

В то же время говорить о том, что уголовное право охраняет только социальные ценности от общественно опасных посягательств на них, равно как и противоречить канонической трактовке объекта уголовно-правовой охраны как общественных отношений тоже не совсем верно. В этом плане целесообразно обратиться к исследованиям видных зарубежных и российских теоретиков уголовного права, в том числе дореволюционного и советского времени (Ф. Листа, Н.С. Таганцева, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородского, А.В. Наумова и др.), придерживавшихся понимания уголовного права как права, охраняющего ценности / блага / интересы (личные, общественные и государственные) (см. [20]).

В контексте настоящего исследования определенный интерес представляет концепция объекта, выдвинутая Е.И. Каиржановым, который предложил авторское видение роли интереса в определении объекта уголовно-правовой охраны, состоящего из следующих взаимосвязанных элементов: 1) ценности (блага), 2) субъекта или носителя такой ценности (блага), 3) принадлежности той или иной ценности (блага) определенному субъекту-носителю [21, с. 21].

Несмотря на то что идея признания объектом уголовно-правовой охраны (объектом преступления) некоего социального **интереса**, на наш взгляд, все же проигрывает конструкции, в основу которой положены социальные **ценности**, в ней есть важное рациональное зерно, а именно то, что последние выступают здесь не в качестве абстрактного феномена. Кроме того, автор акцентирует внимание на принадлежности социальных ценностей конкретному носителю, что заслуживает особо пристального внимания.

Действительно, социальные ценности – это, с одной стороны, ориентиры человеческого поведения (выработанные не одним поколением), некие идеалы существования в социуме, которых следует придерживаться каждому члену общества, но, с другой стороны, они всегда имеют материальную форму воплощения, находят свое бытие – либо в предметах материального мира (материальных благах), либо в овеществленных предметах духовного мира, либо в актах человеческого поведения, которые, как правило, также персонифицированы.

Концепция Е.И. Каиржанова позволяет объяснить и наиболее точно описать механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны / объекту преступления, а вместе с тем – содержание феномена общественной опасности как ключевой категории уголовного права; в целом же это позволит приблизиться к пониманию социального предназначения уголовного права.

Механизм причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны не раз выступал объектом научных исследований в доктрине уголовного права, но его разработка чаще всего имела прикладное значение и в большинстве случаев носила частный характер, относилась к конкретному типу или виду преступных посягательств. Если же попытаться вывести его формулу на более абстрактном уровне, а именно на уровне общественно-опасного воздействия на социальные ценности, то она будет выглядеть следующим образом.

Социальные ценности, непосредственно вовлеченные в процесс жизнедеятельности человека, всегда имеют определенную субъектную принадлежность. Будучи элементами духовной или материальной жизни человека, они наполняют смыслом бытие конкретного индивида, либо определяют порядок сосуществования и взаимодействия группы людей, в равной степени касаясь каждого члена общества, либо имеют особое значение для государства как представителя интересов народа (населения).

Социальные ценности, обладая статусом перманентных универсальных благ, принадлежат либо каждому индивиду в отдельности (например жизнь, здоровье, честь, достоинство, свобода, собственность), либо всем вместе одновременно (общественная безопасность, благоприятная окружающая среда, суверенитет и территориальная целостность государства и т. д.).

В данной связи любое преступление как посягательство на социальные ценности не только разрушает сложившийся порядок осуществления основанных на их базе общественных отношений, но и одновременно причиняет вред (несет в себе угрозу причинения) тому, кто на момент посягательства является ее носителем (владельцем). Следовательно, охрана социальных ценностей помимо прочего предполагает и защиту самих конкретных членов социума, общества и государства от общественно опасных посягательств, и защиту соответствующих общественных отношений.

Негативное воздействие на социальную ценность (иными словами, механизм вредоносного воздействия на социальную ценность) в результате посягательства на нее выражается либо в виде ее физической утраты или в виде нанесения нематериального вреда в форме осквернения социальной ценности, что, на наш взгляд, представляется не менее опасным, учитывая, что именно ценности определяют мотивационные процессы в поведении человека.

Для носителя социальной ценности вредоносное воздействие проявляется в том, что он лишается возможности быть ее полноценным владельцем, располагать ею и получать пользу от обладания. При этом восстановление соответствующего статуса зачастую предполагает не только достаточно длительный временной промежуток, но и необходимость приложения для этого существенных усилий (например в отношении восстановления чести и достоинства личности), а при причинении материального вреда устранение вредоносного воздействия

зачастую и вообще невозможно (в случае утраты жизни или здоровья / утраты органа и т. д.).

Получается, что каждое посягательство на социальную ценность, помимо причинения материально выраженного ущерба, непосредственно влияет на восприятие членами общества его ценностных ориентиров, их авторитет и незыблемость. Чем активнее они совершаются и чем чаще остаются безнаказанными, а сама ценность – менее защищенной, тем больше она утрачивает свою значимость (авторитет) в глазах общества, нивелируется (обесценивается) и тем быстрее недопустимое поведение в отношении нее становится сначала нежелательным, затем теоретически допустимым, а следом – и привычным, не вызывающим явной негативной реакции и категорического осуждения со стороны окружающих и социума в целом.

В этом плане роль уголовного права как наиболее действенного инструмента воздействия на общественное поведение (правовое сознание) проявляется наиболее ярко, и ее трудно переоценить. Только за счет использования этого регулятора, оснащенного наиболее строгими мерами воздействия на индивида и принуждения его к надлежащему поведению, можно обеспечить должный уровень отношения населения к большинству универсальных социальных ценностей, таких как жизнь, здоровье, свобода, собственность и т. д., а вместе с тем – и общий уровень социальной стабильности.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественная опасность преступления через призму концепции охраны социальных ценностей проявляется в трех аспектах. Помимо традиционно признаваемых: 1) нарушения нормального функционирования отданных под охрану уголовного закона общественных отношений; 2) физического вреда, материального и морального ущерба, причиняемого конкретному субъекту (стороне) этих отношений (носителю социальных ценностей) – каждое общественно опасное посягательство 3) наносит еще и непоправимый аксиометрический (или «репутационный») ущерб той социальной ценности, которая положена в основу построения и функционирования охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Согласно этому пониманию, основным назначением уголовного права как социального регулятора, конститутивно направленного на ограждение членов общества от общественно опасных форм социального поведения, выступает охрана социальных ценностей, построенных на их основе общественных отношений, а также субъектов, выступающих непосредственными владельцами (носителями) таких ценностей или опосредованными их коллективными носителями, то есть общества и государства, от общественно опасных посягательств на них.

Таким образом, если исходить из того, что на более высоком уровне обобщения основная задача (функция) уголовного права – оградить общество и его членов от общественно опасных форм поведения, то на более конкретном уровне его главное назначение как социального регулятора – охрана социальных ценностей и их носителей от утраты (потери) социальной ценности в физическом смысле, либо ее попрания (осквернения) в результате общественно опасного посягательства, а также охрана построенных на указанных ценностях общественных отношений (принятого в обществе порядка взаимодействия между людьми, социального поведения).

Конечно, уголовное право – не единственное средство охраны социальных ценностей. Такую функцию, на наш взгляд, в той или иной степени выполняют все отрасли права, поскольку в основу всех урегулированных правом общественных отношений положены социальные ценности, только каждая из них имеет свой ретитуционный потенциал и ограниченные пределы воздействия на субъектов правоотношений. При этом уголовное право в ряду всех имеющихся отраслей права можно назвать наиболее действенным средством охраны социальных ценностей, или инструментом обеспечения наивысшего уровня их защиты.

Источники

- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

Литература

1. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.
2. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994. – 36 с.
3. *Цепелев В.Ф.* Уголовно-политическая обусловленность уголовного законодательства // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 124–127.
4. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: в 2 т. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – Т. 1: Общая часть. – 768 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 792 с.
6. *Лановая Г.М.* Природа уголовного права и его современное назначение: проблема совместимости // Современное право. – 2013. – № 11. – С. 19–23.
7. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М.: Норма, 2000. – 432 с.
8. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. – М.: Юрид. лит., 1961. – 381 с.
9. *Стальгевич А.К.* К вопросу о понятии права // Сов. государство и право. – 1948. – № 7. – С. 50.
10. *Пионтковский А.А.* Некоторые вопросы общей теории государства и права // Сов. государство и право. – 1956. – № 1. – С. 17–20.
11. *Фарбер И.Е.* О сущности права. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1959. – 76 с.
12. *Голунский С.А., Строгович М.С.* Теория государства и права. – М.: Юриздат, 1940. – 304 с.
13. *Reisdorf K.* Die Grundlegung der Rechtswissenschaft. – Berlin-Bonn: Ferd. Dümmler, 1930. – 139 S.
14. *Тугаринов В.П.* О ценностях жизни и культуры. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1960. – 156 с.
15. *Спиридонова В.А.* Проблема ценностей в социологии (Историко-теоретический аспект): Дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2004. – 150 с.

16. *Вотинцева Н.Н.* Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: Дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 2009. – 187 с.
17. Сравнительное правоведение. Национальные правовые системы / В.Ю. Артемов, Н.М. Бевеликова, Р.Г. Газизова и др.; под ред. В.И. Лафитского. – М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2013. – Т. 3: Правовые системы Азии. – 704 с.
18. *Квашиш В.Е.* Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М.: Юрайт, 2008. – 800 с.
19. *Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Криминология и проблемы декриминализации // Журн. рос. права. – 2005. – № 4. – С. 103–107.
20. *Наумов А.В.* Концепция объекта преступления Е.И. Каиржанова как одно из наиболее ярких достижений национальной школы уголовного права Казахстана в советский и постсоветский периоды // Современные проблемы уголовной политики. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – С. 71–78.
21. *Каиржанов Е.И.* Объект преступления – интересы социальных субъектов. – Алматы: Экономика, 2008. – 211 с.

Поступила в редакцию
06.05.2022

Медведев Евгений Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права

Ульяновский государственный университет
ул. Университетская набережная, д. 1, корп. 4, г. Ульяновск, 432007, Россия
E-mail: oxymoron@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 4, pp. 122–133

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.122-133

Social Purpose of Criminal Law

E.V. Medvedev

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, 432007 Russia
E-mail: oxymoron@rambler.ru

Received May 6, 2022

Abstract

This article discusses the results of an analysis of the social purpose of criminal law, which is perceived as a separate branch of law. The most common doctrinal views on the social origins of criminal law as a social regulator were considered. Based on the results obtained, a new vision of the problem was proposed and the concepts under study were redefined. The protection of social values by criminal law was emphasized as the background for strong public relations. The mechanism of infringing the values and their bearers (physical and legal entities, the entire society and state), as well as the social ties in various spheres of human activities arising from these values, were covered. From this perspective, the causes of many controversies in the theory of the general part of criminal law can be explained. Additionally, the existing disputes over some of its problematic issues can be settled, such as those in the theory of the object of crime in order to reconcile the upholders of the view that any object of crime concerns social

relations with the supporters of the concept of interest (good) and alternative points of view. The above-specified approach to unfolding the social purpose of criminal law enables further comprehensive studying of its functional potential because it demonstrates more clearly that the origins and functions of law make it a social regulator with regard to changes that it should and can induce in the objective reality.

Keywords: criminal law, social purpose of criminal law, functional potential of criminal law, social values, main directions of criminal law impact

References

1. Vlasov I.S., Golovanova N.A., Gravina A.A. et al. *Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva* [Criminalization and Decriminalization as Forms of Transformation of Criminal Legislation]. Kashepov V.P. (Ed.). Moscow, IZiSP, KONTRAKT, 2018. 280 p. (In Russian)
2. Razgil'diev B.T. The objectives of Russian criminal law and their fulfillment. *Extended Abstract of Doct. Law Diss.* Moscow, 1994. 36 p. (In Russian)
3. Tsepelev V.F. Criminal and political conditionality of criminal legislation. *Ugolovnoe Pravo*, 2017, no. 4, pp. 124–127. (In Russian)
4. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1: General part. Moscow, Wolters Kluwer, 2011. 768 p. (In Russian)
5. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevnikov E.N. et al. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Article by Article)]. Brilliantov A.V. (Ed.). Vol. 1. Moscow, Prospekt, 2015. 792 p. (In Russian)
6. Lanovaya G.M. The origins of criminal law and its current objectives: The problem of compatibility. *Sovremennoe Pravo*, 2013, no. 11, pp. 19–23. (In Russian)
7. Lesnievski-Kostareva T.A. *Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika* [Differentiation of Criminal Liability. Theory and Legislative Practice]. Moscow, Norma, 2000. 432 p. (In Russian)
8. Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Problems of Law Theory]. Moscow, Yur. Lit., 1961. 381 p. (In Russian)
9. Stal'geevich A.K. On the definition of law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1948, no. 7, p. 50. (In Russian)
10. Piontkovskii A.A. Some problems of the general theory of law and state. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo*, 1956, no. 1, pp. 17–20. (In Russian)
11. Farber I.E. *O sushchnosti prava* [On the Essence of Law]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 1959. 76 p. (In Russian)
12. Golunskii S.A., Strogovich M.S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Law and State]. Moscow, Yurizdat, 1940. 304 p. (In Russian)
13. Reisdorf K. *Grundlegung der Rechtswissenschaft*. Berlin, Bonn, Ferd. Dümmler, 1930. 139 S. (In German)
14. Tugarinov V.P. *O tsennostyakh zhizni i kul'tury* [On the Values of Life and Culture]. Leningrad, Izd. LGU, 1960. 156 p. (In Russian)
15. Spiridonova V.A. The problem of values in sociology (historical and theoretical aspects). *Cand. Sociol. Diss.* St. Petersburg, 2004. 150 p. (In Russian)
16. Votintseva N.N. The specifics of values and value-based consciousness in a transforming society. *Cand. Philos. Diss.* Perm, 2009. 187 p. (In Russian)
17. Artemov V.Yu., Bevelikova N.M., Gazizova R.G. et al. *Sravnitel'noe pravovedenie: Natsional'nye pravovye sistemy* [Comparative Jurisprudence: National Legal Systems]. Lafitskii V.I. (Ed.). Vol. 3: Legal systems of Asia. Moscow, IZiSP, KONTRAKT, 2013. 704 p. (In Russian)
18. Kvashis V.E. *Smertnaya kazn'. Mirovye tendentsii, problemy i perspektivy* [Death Penalty. Global Trends, Problems, and Prospects]. Moscow, Yurait, 2008. 800 p. (In Russian)
19. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminology and problems of decriminalization. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2005, no. 4, pp. 103–107. (In Russian)

-
20. Naumov A.V. E.I. Kairzhanov's concept of the object of crime as the most important achievement of the national school of criminal law of Kazakhstan during the Soviet and post-Soviet periods. In: *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki*. [Modern Problems of Criminal Policy]. Yekaterinburg, Ural, Gos. Yurid. Univ., 2019, pp. 71–78. (In Russian)
 21. Kairzhanov E.I. *Ob'ekt prestupleniya – interesy sotsial'nykh sub'ektov* [The Object of Crime – the Interests of Social Subjects]. Almaty, Ekonomika, 2008. 211 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Медведев Е.В. Социальное назначение уголовного права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 122–133. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.122-133. ⟩

⟨ **For citation:** Medvedev E.V. Social purpose of criminal law. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 4, pp. 122–133. doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.122-133. (In Russian) ⟩